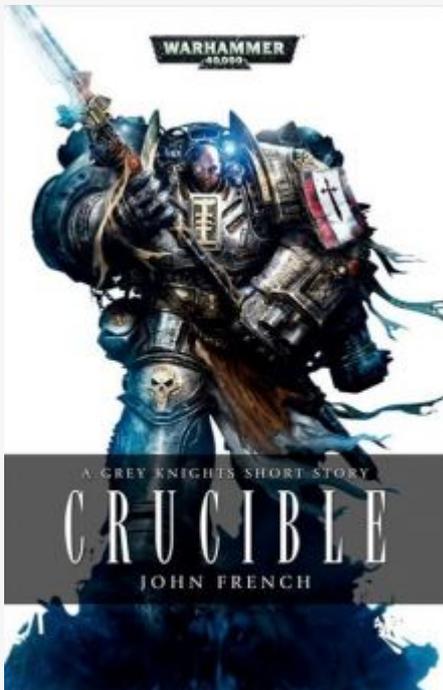

Горнило / Crucible (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Горнило / Crucible (рассказ)

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	Str0chan
Издательство	Black Library
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Мы умираем, но наша война длится вечно.

Мы обречены, но бестрепетно ступаем во тьму.

Мы забыты, но приносим будущее в дар человечеству.

— Клятва Седьмого братства Серых Рыцарей,

авторство приписывается первому из его гроссмейстеров

Варп-разлом на борту «Горнило» — определить время невозможно / non sequitur (утрачена

последовательность)

Отключив дисплей визора, я утопаю во тьме. На секунду в мире нет ничего, кроме моего дыхания и холодной боли от закрывшихся, но не исцеленных ран. Левый бок обуглен и изодран, потянувшись к нему разумом, я чувствую, как остывают оплавленные края пробоин в моей броне. Алебарда подрагивает в руках, отзываясь на убыстряющийся пульс варпа.

Тьма вглядывается в меня, и вокруг появляется призрачный лес. Сначала он плоский, как нарисованный на черной стене пейзаж, изображающий сгорбленные, лишенные листьев серые деревья. Поднимающийся туман обволакивает стволы и ветви, которые начинают раскачиваться, будто тени, отбрасываемые мигающей лампой. Откуда-то тянет сыростью, во рту появляется привкус ржавого железа. Я медленно поворачиваю голову, прислушиваясь к пощелкиванию сервоприводов, и повсюду, прямо на глазах, разрастаются плоские деревья. Пока что вокруг царит тишина, но натренированный разум ощущает бурю, растущую за пологом тумана.

Я осознаю ложность происходящего, хотя порой вопрос реальности объекта зависит лишь от того, насколько безумен наблюдатель. Нет никакого леса и окутывающего всё тумана, и первые порывы ветра, слышимые мною, фальшивы. Истинны лишь сигналы обратной связи от покалеченного доспеха, ласковые электрические касания натянутых нервов.

Вокруг меня коридоры и галереи «Горнила», но скоро и эта истина, кажущаяся столь основательной, обернется ложью. Физическая сущность корабля сминается вокруг варп-разлома в его сердце, и палубы проходят друг через друга под углами, которые не измерит ни один прибор. «Горнило» превратилось в щепку, затянутую в водоворот своего угасающего существования и неотвратно несущуюся к гибели. Варп теперь царствует в трюмах и каютах, поэтому, чтобы различить хоть что-нибудь, я сомкнул веки и смотрю на мир глазами души. Как в кривом зеркале, в варпе отражаются лучи света и резкие тени, отбрасываемые человеческим разумом, превращаясь в нечто за границами смыслов.

И поэтому смерть «Горнила» выглядит для меня прогулкой по зимнему лесу. Краем глаза я замечаю разлом, вход в мрачную пещеру посреди деревьев. Он растет, разрывая реальность вокруг себя, и нечто ждет во тьме, собирая силы для последнего шага в этот мир. Я иду навстречу.

Тьма меняется, и лесной пейзаж обретает глубину. Возникают и увеличиваются расстояния, тени затвердевают, рассыпаясь при касании осколками и черной дымкой, а в чаще мелькают чьи-то глаза, сверкающие холодным светом полной луны. Я слышу под ногами хруст снега, которого не было в лесу один шаг назад. Вокруг вьются снежинки, укрывая мир белым пологом, и кто-то извивается между деревьев, скользя бесформенной чернотой на краю зрения.

Я возжигаю в мыслях образ пламени и удерживаю его, заставляя себя думать лишь об огне. С серебряных пластин брони вздымаются алые языки, и я плаю, продолжая идти к цели. Теперь меня окружает сфера, созданная из тепла и света, и тени отступают, а снег тает под ногами, обнажая усеянный заклепками металл корабельной палубы. Весь лес изменяется на глазах, коридоры, со стенами из древесных стволов и потолками из сплетенных ветвей, возникают и исчезают вновь. Земля под ногами вздымается и опадает, словно океанские волны, но я не обращаю внимания на очередную ложь. Взгляд моего разума встречает глаза созданий, пока прячущихся в лесу, но подбирающихся все ближе, мелькающих угольно-черными телами среди силуэтов древесных стволов. Древко алебарды все нетерпеливее дрожит в руках, а клинок под моим новым взором превращается в застывший язык ледяного огня.

Морозный воздух раскалывается воем – *они*, наконец, решились напасть.

Первый демон, с треском ломая ветки, врывается в круг света и обретает форму. Тень, будто сброшенная змеиная кожа, сползает с покрытого чешуей мускулистого волчьего тела. Морда твари трескается, словно передержанный в печи глиняный горшок, и открывается пасть, воняющая кровью и могильной гнилью. Образы голода и ненависти проносятся у меня в голове, пока демон изготавливается к прыжку. Я опускаюсь в полуприседе и резким движением выставляю алебарду вперед, в тот момент, когда тварь отрывается от земли. Острое клинка пробивает шею волка, древко упирается в землю, на секунду принимая на себя вес зверя. Поднявшись, я вздымаю демона над головой и посылаю частичку святого гнева сквозь сердцевину алебарды. Волчье тело рассыпается облаком пепла и снега.

Вращая алебарду в руках, я направляю все больше силы в клинок. *Они* выпрыгивают из тьмы, принимая формы, созданные тысячелетиями кошмаров – освежаванные тела, сочащиеся кровью и слизью, живые сплетения отсеченных рук, летающие рогатые черепа, оскалившиеся железными клыками. Кружась на месте, я посылаю болты по широкой дуге, и взрывы терзают туман, разгоняя его священным огнем. Внутренним взором я вижу каждую вспышку, сверкающую чистой белизной, но, в конце концов, рев штурмболтера обрывается щелчком опустевшей обоймы. Демоны отвечают на это, завыв, как один. Растаявший снег смерзается за спиной в ледяную корку, пропитанная варпом земля извивается под ногами, сжигаемая моим разумом. Деревья отступают в туман, протягивая друг другу сучковатые ветви, и сплетают их, отрезая пути к пещере. Другие тянутся к небесам, их громадные кроны напоминают мне грозные облака.

Копье радужного огня врезается в грудь и расплескивается язычками пламени, ползущими по броне. Содрогаюсь от отвращения, я чувствую, как варп скребется о расписанное защитными символами серебро. Уцелевшие демоны, продолжая выть, замыкают вокруг меня кольцо, но я разрубаю его, высвобождая силу воли и мышц в ярких взмахх алебарды. Клинок рассекает плоть и кости, ветер подхватывает брызги крови и уносит их в розовеющий на глазах туман, каждый удар приближает меня к цели, но недостаточно быстро. Из пещерной тьмы скрытого за деревьями разлома уже брезжит болезненный свет, и вопль пробуждающегося сознания разносится по лесу. В нем слышится карканье падальщиков и треск ломающихся костей.

Мой враг уже почти появился из варп-разлома, почти осознал себя в этом мире. Нужно скорее заканчивать возню с меньшими тварями, каждый потерянный миг ослабляет меня и делает его сильнее. Я вновь призываю огонь, назвав по имени, и он отвечает. Пламя преисподней ревет в ушах, но моя кожа кажется холоднее межзвездной бездны, а броня сияет, меняя свой серебристо-серый оттенок на оранжевый цвет пылающих углей.

Оскальпированный череп оборотня, сдавленно рыча, смыкает челюсти на моем запястье, но, коснувшись клыками брони, демон застывает куском льда. Тряхнув рукой, я сбрасываю его, и череп раскалывается у моих ног, словно тонкая фарфоровая чашка. Секунду спустя я выпускаю призванный огонь, и он летит в оцепеневший лес, словно птица, раскрывшая крылья, плащ, развеваемый ветром, или последний вздох умирающего бога.

Переход к аномалии / варп-разлом / «Горнило»/ — 8883313.M41

Корабль, доставивший меня к цели, назывался «Спокойствие клинка», и мог служить временным

пристанищем для нескольких воинов моего братства. Однако в этом полете я был единственным пассажиром, и капитан, как и облаченный в алые цвета экипаж, почти не говорили со мной. Единственным исключением являлись сообщения о том, сколько ещё продлится варп-переход.

Как и все наши корабли, «Спокойствие клинка» отличалось завидной быстротой хода, но я все же выкроил две ночи бдения перед прибытием. Сейчас всё, что я могу вспомнить о них – это безмолвие. Не молчание безлюдного корабля, а тишина, что известна лишь тем, кто принадлежит к нашему братству. Немое спокойствие разума, одиноко уходящего во тьму.

Мое одиночество бдения прошло в уставленной свечами оружейной, где сервы разложили мои доспехи, разобранные до малейших болтиков. Я касался каждой детали, вызывая к жизни следы нашего общего прошлого. Увидел огни, пляшущие под омраченным небом Локары. Вновь ощутил смерть Вельтского Апокалиптики, за миг до того, как демон завладел его плотью. Вдохнул холодный воздух Хинала, насыщенный озоном после нашей телепортации. Тысячи обрывков памяти, оставшихся на шипах времени – сложи их вместе, и увидишь всю мою жизнь.

Рано или поздно они забудутся и канут в ничто.

Я не жил по-настоящему до того, как стал сыном Титана. Да, где-то родился и вырос ребенок, но он не был мной. А затем, в нашей крепости-монастыре, этот мальчик умер, и от него остался лишь призрак, имя которого я давным-давно позабыл.

Трижды я разбирал и вновь собирал свою броню и оружие, прежде чем капитан ледяным тоном доложила мне о прибытии в предначертанные координаты. Все время, проведенное в этом переходе, она обращалась ко мне не иначе как «господин». Интересно, понимала ли эта женщина, Лидия, что стала моим перевозчиком в царство мертвых? Пожалуй, что да. Все же она служила Серым Рыцарям больше века, и не раз её корабль нес к полю битвы моих братьев, которым не суждено было вернуться живыми. Наверное, именно это добавило в голос Лидии таких официальных, бесчувственных ноток – если бы о времени прибытия объявил корабельный когитатор, я не ощутил бы разницы.

Странно, некоторые утверждают, что космодесантникам не хватает человечности. Я никогда в это не верил, поскольку всё, виденное мною в этой жизни, говорило о поистине вселенских запасах бесчеловечности в душах *обычных* людей. Серые Рыцари же, по сравнению с ними, просто очень сосредоточенные создания.

В последний раз я воссоздал доспех, и слуги облачили мою плоть во вторую, металлическую кожу. В воздухе висел густой дым благовоний, десятки фигур суетились вокруг – сервы ордена с зеркальными глазами и в красно-белых одеждах, техножрецы, бормочущие и жужжащие над каждым проводком и соединением. Но, даже в столь назойливом шуме, я слышал только эхо собственных мыслей, отраженных бездной. Наконец, слуги закрепили шлем, и перед моими глазами побежали строчки тактических данных. Я поднялся, чуть сторбленная фигура в серебристой броне, усеянной семьюстами и семьюдесятью семью печатями чистоты. Они тихо шелестели, будто опавшие листья, пока я шел забирать алебарду из запечатанного железного сундука.

Не поднимаясь на мостик, я пешком преодолел около километра переходов до пускового отсека, по пути попросив капитана перенаправить поток данных с внешних сенсоров корабля на дисплей моего визора. «Горнило», похожее на зазубренный обломок тусклого металла, возникло прямо перед левым глазом, постепенно увеличиваясь на фоне звездной бездны. Вокруг корабля все ещё мерцали остаточные следы обреченной на провал попытки избежать гибели – экстренного перехода в реальный космос. Отчаянная

надежда экипажа на спасение, которая не имела под собой оснований. «Горнило» было приговорено, всё, что ему оставалось – послужить ареной для моей последней битвы. *Разлом*, словно раковая опухоль, рос в кишках корабля, жадно вгрызаясь в наш мир и раздуваясь с каждой минутой.

Не знаю, почему он возник. Может, навигатор выбрал показавшийся ему коротким и чистым путь сквозь варп, не обратив внимания на тихий стеклянный звон, с которым вибрировало поле Геллера. Может, двум матросам на нижней палубе привиделся один и тот же кошмар, встретивший их и после пробуждения. Может, чей-то грандиозный разум аккуратно разложил тысячи случайностей по десяткам столетий, тщательно подгоняя их друг к другу, словно шестеренки вселенских часов. Бесчисленные события могли породить разлом, и ни одно из них не имело для меня совершенно никакого значения.

В пусковой камере меня ждала абордажная торпеда, похожая на вскрытую пулю. Палуба дрожала под ногами, пока «Спокойствие клинка» работало тормозными двигателями, останавливаясь относительно «Горнила». Наконец, два корабля словно замерли в пространстве на расстоянии трех тысяч километров друг от друга, и я забрался в тесную колыбель торпеды. Щелкнули магнитные замки, фиксируя мой доспех внутри, и автоматика закрыла входной люк. В опустившейся темноте я отключил поток данных с мостика и ненадолго дал волю мыслям. Именно тогда пришло единственное сожаление – перед последним боем мне хотелось бы попрощаться с братьями.

Варп-разлом на борту «Горнила» — определить время невозможно / non sequitur (утрачена последовательность)

Вокруг царит безмолвие, нарушаемое лишь шорохом снега, гонимого ветром по лесу. Остановившись, я медленно осматриваюсь и отмечаю, что деревья вновь сдвинулись и вход в пещеру – *разлом* – пропал из виду. Снег, оседающий на все ещё горячей броне, немедленно испаряется облаками пара, и тишина окружает меня, словно замерший прилив, собирающийся унести неосторожного пловца в море. Деревья, потрескивая на ветру своими черными стволами, понемногу приближаются, заставляя удобнее перехватить алебарду. Усиливается вьюга, наметая у ног небольшие сугробы плотного снега.

Резкий треск пронзает сгустившуюся тишину. Я разворачиваюсь, отыскивая источник звука, и слышу новый треск, напоминающий хруст сломанной кости. Теперь я успеваю заметить, откуда он донесся – один из стволов разрывается изнутри, и *нечто* выбирается из погубленного дерева. Стручья черной коры покрывают спину демона, но руки и туловище кажутся мягкими и бледными, как у утопленника. Какой-то желтоватый сок вытекает из ран и язв на его коже, сползая по телу липкими полосками. Полностью выбравшись из ствола, он отходит в сторону, гулко сотрясая землю, а на дереве остается глубокая рана, повторяющая форму новорожденного чудовища. Голова демона, плоский клин, прорезанный широкими щелями рта и ноздрей, с мертвенно-белыми катарактами глаз, низко сидит на плечах. Враг выпрямляется, и я вижу, что он вдвое выше меня.

Чудовище бросается в атаку, изменяя плоские ладони в нечто угрожающее, но я, сделав шаг назад, описываю алебардой резкий полукруг и перерубаю его руки выше запястий. Демон чуть отступает, поливая снег желтой кровью из обрубков, но тут же, издав ожесточенный рев, извергает в меня струю густой жижи из распахнутого рта. Доспех немедленно подает сигналы тревоги, сообщая, что неопознанная кислота проедает дорогу сквозь трещины в пластинах брони и соединения между ними. Личинки и черви вгрызаются в размягченный металл, а охраняющие руны, вытравленные на каждой пластине доспеха, пылают, отводя колдовство варпа. На миг я теряю сосредоточенность, и демон

наносит удар своими вновь отросшими руками. Пальцы, похожие на клинки, врезаются мне в живот и подбрасывают высоко в воздух. Сообщения о повреждениях звучат в ушах, но нет времени прислушиваться – враг снова бьет меня, не давая упасть. Я отлетаю от него и врезаюсь в землю мешком костей и погнутой брони.

Встать на ноги удается, хоть и с трудом, и снег подо мной быстро окрашивается алым. Демон медленно приближается, упиваясь близкой победой, не обращая внимания на мокнущие ожоги в тех местах, где его плоть коснулась освященного доспеха. Он хрюкает, облизывается длинным черным языком, и, открыв жабий рот, довольно щерит ряды крючковатых клыков. Я опускаюсь на одно колено, чувствуя, как каждое движение отзывается болью в груди. Алебарда трясется, принимая на себя мой вес, я кажусь слабым, полностью обессиленным. Это не совсем так.

Издав торжествующий вой, демон несется ко мне. Я жду до последнего, прежде чем направить острие алебарды прямо в разинутую пасть, и тварь сама насаживает себя на клинок с такой силой, что он пробивает череп насквозь. Массивное тело демона врезается в меня, его руки отчаянно молотят по воздуху, но враг все ещё жив. Тряся головой и обливаясь черной кровью из ноздрей, чудовище сползает по древку алебарды, пока его глаза не оказываются напротив моих. Алебарда скользит в рукавицах, измазанных кровью и жижей, но я, чуть отступив, изо всех оставшихся сил поворачиваю её в черепе демона. Доспех кричит от натуги вместе со мной. Нажав на древко, я прорубаю клинку путь на волю через затылок, челюсти и грудь демона.

Чудовище, наконец, падает замертво и мгновенно начинает пылать изнутри, а я, стряхнув богохульную кровь с алебарды, смотрю на расступающиеся деревья. Пещера разлома выросла и вновь хорошо видна, а ветер дует так, словно втягивается в её мрачное чрево. Тут же по лесу разносится вопль, в котором звучит крик новорожденного ужаса, триумф просыпающегося кошмара.

Я бегу на звук.

Титан / Авгуриум / — 0874313.M41

Трое отправили меня на «Горнило». Чтобы я мог понять, зачем это нужно, и осознать, что иначе нельзя, они *поделились* со мной своими мыслями.

Их собрание было не телесным, а духовным, таким, где не требовались имена и приветствия. Они, ставшие более близкими, чем братья-близнецы или вековечные друзья, просто появились из тьмы между собственными раздумьями. Каждый был лишь голосом, усиленным нотками ощущений и образов, но, стоило им собраться вместе, потоки их мыслей слились в один. После этого прогностикар ордена, гроссмейстер Седьмого братства и его же брат-капитан перестали существовать как отдельные создания и обратились голосами, звучащими в едином разуме. Это состояние длилось в обыденном мире не дольше мига, но для троих участников подобное собрание было более реальным, чем то, в котором они могли бы обменяться рукопожатиями или услышать речи друг друга. Мы называем такой ритуал общения *причастием*.

+ Предсказание уверенное? +

+ К уверенности нужно подходить с осторожностью. +

+ **Истинно так.** +

+ Вероятность, что сущность окажется другой? +

+ *Изменчива.* +

+ Влияющий фактор? +

+ *Наш ответ на событие.* +

+ **Объясни.** +

+ *Создание одного из верховных демонических хоров проявит себя на «Горниле». Мы не сможем препятствовать ему, шестерни судьбы уже сцеплены. Но какой именно демон войдет в наш мир, неизвестно* +

+ **Ты не делишься чем-то, прогностикар.** +

Молчание наполнило мысли причастия. В реальном мире оно длилось меньше микросекунды, но в телепатическом единении прошло несколько напряженных минут.

+ *Есть способ достичь полной уверенности.* +

+ **Какой?** +

+ *В вашем братстве есть рыцарь, чье имя противостоит определенной сущности.* +

Причастие вновь умолкло.

+ *Если мы отправим этого брата, и только его, то явится именно противопоставленный ему демон. Он войдет в наш мир, и не по собственной воле. Неподготовленным.* +

+ Но за этот успех придется заплатить. +

+ Каждая победа имеет цену. +

Приняв решение, три голоса сливаются в один.

+ Мы пошлем его на «Горнило». Одного. +

Варп-разлом на борту «Горнило» — определить время невозможно / non sequitur (утрачена последовательность)

Все вокруг размывается, пока я пробираюсь через лес-корабль. Мысли о беге, сочетаясь с движениями ног, придают мне невиданную быстроту. Раскрытая пасть разлома все ближе, демоны один за другим вытекают из трескающихся деревьев на краю мысленного взора, и я чувствую их лютый голод. Наконец, я вижу впереди свою судьбу, медленно выползающую в этот мир, подобно гигантскому змею из прохладного мрака пещеры. Эктоплазменная родильная слизь сверкает на его сгорбленном теле, растущие мускулы грозят разорвать тонкую, прозрачную кожу. Демон хнычет и сдавленно каркает, дергаясь на снегу, но из его плоти уже вырастают тонкие стержни перьев, на глазах покрывающиеся бледным пухом. Наконец, он поднимает голову, начинает выпрямляться, и тут же за моей спиной раздаются крики низших тварей, вновь становящихся частью леса.

Я делаю ещё один шаг вперед.

Встав во весь рост, демон возвышается надо мной, хотя его тело все ещё формируется, перья удлиняются и обретают расцветку радуги в масляной луже. Из поджарых конечностей выступают аккуратные белые когти. Широко распахиваются глаза – две щели в пылающий ад.

Я бью его своим разумом, помыслив образ кнута, сотканного из молний, который пронзает яркой белизной туман вокруг меня и обвивает демона сеткой разрядов. Он не был готов к рождению, его силы все ещё приспосабливаются к существованию в реальности. Это дает мне краткое преимущество.

Поколебленный враг пятится, но ветер несет ко мне его злобу. Я бросаюсь вперед, и демон, издав пронзительный крик, несется навстречу, оставляя за собой след из дымных теней. Его присутствие уже полностью ощущается в этом мире, создание давит на реальность с той же тяжестью, что и умирающая звезда. Я наношу новый удар, и ветвистые молнии, протянувшись над снегом, обвиваются вокруг демона и начинают стягивать его сверкающими путами. Это мой разум впивается в сущность врага, вонзается глубоко и вдыхает страдание в его сердце. Он кричит и извивается, брызгая черной кровью на снег, а затем вдруг падает, бесформенный комок перьев и трясущихся конечностей, запертый в клетку из молний. Подходя ближе, я направляю алебарду в бьющееся тело врага, которое словно сжимается и усыхает перед моим мысленным взором.

Вокруг завывает ветер, жаждущий сбить меня с ног, а за спиной, в лесу, разливается холодный синий свет, словно сапфирное солнце восходит над деревьями. В непроницаемом тумане уже привычно

потрескивают стволы и скрипят кривые, сучковатые ветки. Я вновь опускаю взгляд на создание у моих ног, заключенное в клетку из молний. Сила ненависти растет в моей душе, обостряясь с каждой секундой, и я поднимаю алебарду, пробуждая к жизни слова изгнания на кончике языка. Возможно, прогностикар ошибся, и мой путь не закончится здесь. Возможно, он не угадал с ценой, которую предстоит заплатить. Серебряное лезвие моего клинка опускается на шею демона.

Враг пропадает. Алебарда вонзается в снег. Я вижу, как исчезают молнии, испаряясь вслед за иллюзией, заключенной в их клетку, и понимаю, что глубоко ошибался, что позволил ослепить себя простейшей ложью. Демон, которого я пришел изгнать, уже давно выполз из пещеры и все это время был здесь, следя за мной, выжидая момента, когда я осознаю свое бессилие.

Услышав смех в порывах ветра, я оборачиваюсь и вижу врага, выступающего из мглы и теней. Он выглядит... никак, словно кто-то вырезал кусок реальности, оставив дыру в никуда. Глядя в неё, невозможно удержаться от ощущения падения в бездонный колодец, и прореха растет, удлиняясь подобно теням, отбрасываемым разгорающимся костром.

Ещё несколько мгновений, и тень начинает двигаться, принимая первые, обрывочные формы, словно подсвеченные внутренним огнем. Лапа, увенчанная когтями, обретает плотность в момент удара, поражающего меня в живот. Уклоняясь, я опускаю алебарду в смертельном ударе, обязанном расцезть тело врага надвое. Но мы не на честном поле боя, а в битве, разворачивающейся среди оживших снов, и демон, по-змеиному ловко отпрянув назад, вновь резко атакует меня. Я быстро перекидываю алебарду, и клинок встречается с когтями.

От звука их столкновения поддельная реальность рассыпается на осколки. Сознание, рассеченное ими, разваливается на части, но я успеваю понять, что именно этого ждал демон, что лишь сейчас начинается настоящее сражение, в котором меня ждет гибель, и, быть может, поражение.

Мой мысленный взор теперь бесполезен. Окружающая тьма не означает отсутствия света, здесь просто нечего видеть.

— **Зачем ты пришел сюда?** — спрашивает острый, как бритва, голос. Его звуки оставляют в моей душе порезы, истекающие жизненной силой в варп. Тела остались где-то вдали, теперь это дуэль разумов.

— *Таково мое предназначение,* — отвечаю я, возводя каменные стены воли вокруг своего рассудка.

— **Умереть?** — тон врага мрачен, в вопросе нет издевки или презрения. Я не удивлен, немногие демоны глумятся без причины.

— *Да.*

— **Это трагично.**

— *Таков мой долг.*

Враг не отвечает, и я чувствую, что должен прервать молчание, пока оно не поглотило меня самого.

— *Так это и есть край незримый, земля разумов, лишенных души?*

Эти слова вызывают у демона усмешку. Я чувствую, как он кружит вблизи, проводя холодными пальцами

слов и эмоций по глади моих мыслей.

— Для тебя? Пожалуй, что так. Для меня это оболочка сознаний, покрывающая Вселенную и связующая в единое целое умы всех обладающих ими живых существ. С определенной точки зрения, есть лишь один разум, а все вы, смертные, не более чем искры, ненадолго взлетающие над его костром, чтобы миг спустя вернуться в пламя.

Враг замолкает, и, выждав несколько веков в слепой тишине, продолжает.

— Тебе известно, кто я.

— Да, — отвечаю я, хоть это и не было вопросом. Сущность демона придвигается чуть ближе. **— Ты есть высокомерие и безумие. Ты - воплощенная мерзость.**

Я вкладываю непреклонную волю в эти слова, пронзая ими тьму, и они звучат громовыми раскатами. Враг смеется в ответ, и его хохот доносится со всех сторон.

— Поэтично. Грубо, но весьма, весьма поэтично. Кстати, ты не первый среди облаченных в серебряное воинов, встретившийся на моем пути. Не странно ли, что злейшие враги знают о Серых Рыцарях, а те, кого вы должны защищать, погибают под вашими клинками в наказание за увиденную мельком серебристую тень?

Теперь я храню молчание. Мы все обдумывали правду, произнесенную демоном, её и тысячи других ересей. Подобные истины служат одним из испытаний, преграждающих путь к вратам, через которые проходят новые сыны Титана. Только те, кто способен вынести их тяжкий груз, достойны облачиться в серый доспех и погибнуть, сражаясь в битве за человечество. Прочие умирают раньше.

— Первые космодесантники создавались, чтобы сражаться во имя просвещения и избавлять Галактику от невежества. Ваш орден существует, чтобы надежно скрывать истину. Вот где настоящая трагедия, не правда ли?

Его мощь сжимается вокруг моего разума, давя все сильнее, и я чувствую, как начинает сминаться душа.

— Ты - удивительное создание, как и все твои братья. Прекрасные сыновья Империи, приносимые в жертву ради надежды на выживание, вы умираете во имя безразличного колосса, не подозревающего о такой самоотверженности. Вы не заставляете тьму отступить, не приносите новый рассвет, лишь сражаетесь в войне, которую невозможно выиграть. Все, что вам удастся - немного продлить страдания бесчисленных смертных.

Сокрушительная сила его сознания наседает со всех сторон.

— Хорошо, что у нас нашлось время для беседы, но тебе все равно придется умереть здесь.

— Я знаю.

Волна психической силы вырывается из моего холодного от ярости разума. Убийственная хватка разжимается, и я внезапно вижу ослепительный свет.

Мои человеческие глаза открыты, и в них отражается реальный мир, стальное нутро «Горнила». Лес

сгинул, оказавшись всего лишь метафорой на фоне реальности, воняющей, словно ров со сваленными туда трупами. Уцелела только пещера, но её своды теперь сложены не из камня, а из слоев изуродованного металла. Стены корабельных отсеков изгибаются и сжимаются, сопровождаемые лязгом измученных переборок, обрывки растянутой плоти висят на сломанных балках, покачиваясь в лишенном гравитации трюме, как листья на деревьях. Все плоские поверхности запятнаны красно-черными следами от машинного масла, крови и желчи, капли которых тихо парят в воздухе.

Демон карабкается по грудам сцепленных обломков, и я вижу, что он сохранил свой образ. С гибкого тела мешком свисает бледная кожа, кое-где покрытая пучками бесцветных перьев, а закованная в чешую длинная шея увенчана освежеванным черепом стервятника. Там, где он касается металла, обломки сияют болезненно-голубым светом. Мой шлем сохранил герметичность, но я все равно чувствую исходящий от врага смрад тухлой рыбы и увядших цветов, а его хохот перекачивается в моем черепе.

Он бросается на меня, и выпад алебарды не находит цели. Когти, проскрежетав по виску шлема, впиваются в гибкое сочленение над плечом, и я падаю под весом демона. Он оказывается сверху, треплет меня, словно падальщик, терзающий мертвое тело. Богохульная плоть пылает, соприкасаясь с благословенным серебром, дымная вонь жженных перьев сдавливает глотку, но демон только ревет с первобытной злобой и вновь осыпает меня ударами когтей. Синий кристалл левой линзы разбивается, и глаз под ней вытекает на щеку теплой влагой. По корабельному корпусу змеятся широкие трещины, из которых ледяной сверхновой сияет варп. Истерзанный доспех не спасает от симпатических ран. Сила демона, напоенная скверной, течет в меня по остриям когтей, кровь вскипает, и новый цветок боли распускается с правой стороны груди. Теперь у меня лишь одно сердце, как и у смертных.

Но алебарда все ещё в моей руке, и я пытаюсь встать. Демон бьет наотмашь, попадая по древку, которым я блокирую удар. Когти врага сжимаются на моем оружии, и поток энергии варпа хлещет в кристаллическую сердцевину алебарды. Она разлетается в крошево прямо перед визором шлема, и это последнее, что я вижу в жизни своими глазами – вспышка света выжигает правую сетчатку дотла. Обратившись к мысленному взору, я понимаю, что наша схватка вновь перенеслась в мир, где битвы выигрываются не клинками или словами могущества, а силой того огня, что пылает в глубине наших душ. Демон повсюду вокруг меня, и я тону в глубинах его сущности, словно пловец в океане небытия.

Но моя душа обретает остроту, становясь окровавленным острием меча, режущим лезвием бритвы. Вырвавшись, я отступаю, становясь прочнее и четче. Всё заканчивается так, как и было предсказано, и я впервые произношу свое имя. Это единственный способ покончить с врагом.

— Я называю себя. Истафил, сын Титана, рыцарь Седьмого братства.

Демон отвечает мне воплем. Он извивается, и неподдельный ужас, пахнувший медью, корицей и дымом, струится с его перьев, будто кровь из глубокой раны. Ему больно. Мои слова мучают его. Каждый из рыцарей Титана – оружие, скованное из сплава души, тела и имени, а все они когда-то были созданы для противодействия величайшим демонам Хаоса. Имя не просто направляет братьев против врагов, но и связывает их судьбы с нашими, и, самое главное, изгоняет их. Назвав себя, я вонзил меч глубоко в сущность демона, и теперь он лишь хрипит, бормоча сотней испуганных голосов. Враг начинает понимать, почему я пришел сюда один, и ему страшно.

— Я называю себя Истафил, и я называю тебя... — имя демона слетает с губ кровавым потоком слогов. Моя душа покрывается льдом, вокруг которого лишь мертвая пустота. Теперь я просто воспоминание, поддерживаемое болью и близостью цели. Враг отчаянно атакует, вонзая когти в грудь и левую руку и поднимая меня в воздух. Я выталкиваю слова из горла, залитого кровью пробитых легких.

— Я называю нас и связываю вместе, кровью, душой и судьбой.

Демон успевае́т кратко вскрикнуть, прежде чем сила произнесенных слов проявляет себя. Священное пламя вырывается из моих ослепших глаз, сжигая лицо до кости, и враг пытается вырваться, вытащить увязшие когти, но не может. Теперь мы связаны. Теперь мы сгорим вместе.

Каждая молекула в моем теле распадается, мысли разлетаются в стороны, понятия места и времени исчезают. Прошлое разворачивается передо мной, словно широкое плоскогорье под парящей птицей. Сверху мне видна каждая подуманная мысль, каждое воспоминание, прежде запертое в клетку, все тайны, скрытые от меня на протяжении жизни. Ничто не потеряно. Я вижу собственное рождение и слышу имя, данное мне матерью. Проходят перед глазами несбывшиеся смерти, каждая из которых могла стать моей. Я истекаю кровью в темной подворотне каменного города, из последних сил зажимая рану на животе. Беснуется костер, и скрытая за языками пламени толпа ревет: «*Гори, ведьмак!*». Голод медленно забирает мои силы посреди жестокой зимы. Это не мороки, не иллюзии варпа. Каждая из увиденных смертей реальна, и я могу выбирать. В моих силах изменить каждое из прежних событий, выбрать любой путь в прошлом, чтобы избежать настоящего. Я могу тихо умереть и сойти в небытие, обретя вечный покой.

Но память, та, что хранилась в крови, а не в разуме, приносит древний образ. Израненный рыцарь, едва держащийся на ногах, ступает во тьму, держа в руке обломок меча. Из мрака пещеры доносится низкий драконий рык. Рыцарь на миг замедляет шаг, думая о том, чтобы повернуться, уйти, смыть прохладной водой кровь с израненного тела, уснуть в мягкой кровати, вновь увидеть своих любимых. Но он идет вперед, во тьму, поднимая сломанный меч.

Я выбираю путь.

Мой мысленный взор обретает четкость. Над головой качаются черные ветки деревьев, ноги утопают в глубоком снегу, в ушах завывает ветер. Я умираю. Это последний миг моей жизни, последний удар в битве душ. Где-то в трюме «Горнила» лежит мое тело, изуродованное огнем, но здесь, в предсмертном биении мысли, я по-прежнему стою на ногах. Демон ждет меня у пещеры, топорща перья в призрачном свете варпа, и мы смотрим друг другу в глаза, зная, что связаны несокрушимыми узами. Он будет изгнан на тысячи лет, но я должен умереть здесь. Такова цена победы – жертва, древняя, как сама жизнь.

Я поднимаю сломанный меч и иду к своему врагу.

Титан / Авгуриум / — 0884313.M41

Трое, что обрекли меня на смерть, собираются в причастии.

+ *Исполнено.* +

+ Мы будем вечно помнить его. +

Тишина воцаряется в причастии, а затем голоса возвращаются, сплетаясь воедино.

+ Он был нашим братом, и поэтому мы называем его имя. +

Три разума повторяют эти слова. Они начинают ритуал мышления, в котором моя память прокатывается в причастии и сглаживается, словно галька на морском берегу. Они закаляют её до тех пор, пока она не становится крепкой и ясной, готовой к новому запоминанию. Часть разумов, та, что никогда не спит, добавляет мое имя к шепчущему списку, который ведется уже десятую тысячу лет. Некоторые имена из него высечены на камне, вырезаны на броне, вытравлены на лезвиях клинков, с которыми воины уходят во тьму. Но в полноте своей список существует лишь в разумах тех, кто отправляет своих братьев на смерть. Там мое имя будет жить, пока живы они, и в свое время другие примут эту тяжкую ношу. Настанет их час произносить имена ушедших. Это честь, и это покаяние.

+ Истафил. +

+ *Истафил.* +

+ **Истафил.** +

Где-то там, за пределами времени и надежды...

Я слышу их.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Горнило_/_Crucible_\(рассказ\)&oldid=887](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Горнило_/_Crucible_(рассказ)&oldid=887)

Эта страница в последний раз была отредактирована 19 сентября 2019 в 08:43.